

УДК 39
Т 65

Издание и авторская работа выполнены
при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проекты № 08-01-00497а; № 12-01-16023д),
а также Правительства и Министерства искусства
и культурной политики Ульяновской области

Ответственные редакторы
доктор исторических наук И.А. Морозов,
доктор филологических наук М.П. Чередникова

Традиционная культура Ульяновского Присурья. Этнодialectный словарь. Том 1 / Колл. авт. И.С. Кызласова (Слепцова), А.П. Липатова, М.Г. Матлин, И.А. Морозов, Е.В. Сафонов, М.П. Чередникова и др. — М.: «Индрик», 2012. — 656 с., ил., карты.

ISBN 978-5-91674-215-2

В Этнодialectном словаре Ульяновского Присурья представлены традиционные формы культуры в их взаимосвязи с экономическими и социально-культурными процессами XX — начала XXI века. Описание календарных и семейных праздников и обрядов, бытовых и праздничных форм поведения, наиболее важных персон и персонажей местного фольклора, а также употребительных типов фольклорных текстов сделано в форме словаря и основано на материалах полевых исследований авторов.

Корпус Словаря предваряется Вводными очерками, посвященными анализу генезиса культурных форм, представленных в корпусе Словаря, для чего привлекаются сравнительные материалы из других регионов Центральной России, Русского Севера и Поволжья, а также архивные источники XIX века. Выводы авторов вводных очерков подкрепляются анализом локальных особенностей культуры в их взаимосвязи с историей заселения, этнокультурными и языковыми особенностями.

Издание предназначено для специалистов по этнографии и фольклору, а также для широкого круга читателей, интересующихся этой проблематикой.

ISBN 978-5-91674-215-2

© Коллектив авторов, текст,
илюстрации, 2012
© Издательство «Индрик»,
оформление, 2012

В с. Палатово существовал обычай разбивать принесенные с собой яйца на мосту. «Загавенья вот, вясна кончилась. Ну, вот бирёшь йииц, бывала, а би мост бить йицо. Вот дивчонки, девки, да. Хто кидат в речку — йицо видь ни паплывёт, он сразу на дно. Хто съест. И всё. И идут смиюща» [ЛСФ, с. Палатово; СИС Ф2000-06Ульян., № 93].

В 1960-е г. проводы весны и изготовление чучела и его уничтожение могло исполняться детьми и подростками. Причем в этом варианте совместились как обычай *Шута хоронить* (см.), так и *ряженье барыней и кавалером* (см. *Барыня и кавалер*). «Вот у меня покойный отец жил, собирались все, пашаны, девчонки. И были и “жених” и “невеста”. Делали одно чучало [из соломы], какую-нибудь одёжу на нево наденут, палки. Оденут, чай тут эта сноп он. [Одежду] мужскую. И собирались и девчонки и мальчишки. И были: и “жених” и “невеста” — нарядившись, вроди. Што нам, десить-двенадцать лет там, пацанам. Им тоже дивчонками так же. Вот с Бутырак тоже дивчонки приходили. Вот у меня Людка Пудыва была, эта “невеста”, у другова парня — тоже “невеста”. И носили [чучело] вот туда на гать мы. Песни какие-то, прибаутки делали — ну, там девчонки, да. Отнисём и сожжем. Мы жжигали. Приходим опять в саже. Уж яблыки — всё, всё эта была, готовим обед, ну, там чево-то девчонки сделают. Щас видь вон лиманады да и прочее, прочее, а раньши был морс. Вот эта морсу — и тоже, вроди, как вино. Тоже, вроди, как выпивам, как вино. Вот этим проулком ево носили. У нас вот тут Долгый проулок был. Вот молодёжь так, ребятишки, девчонки, робята большии, взрослые. Весь проулок запрудища! Сотни человек это пацаньё! <...> Да, лет десять-двенадцать. Это уж все пацаны знают. Друг по дружки: нынчи год-от делают, эти повзрослевшие стали, мы-то тоже. И никто ни заставлял, ничево ништо. Вот. Ну, из года в год» [БНП, ВКД, с. Ждамирово; КПС, ППС Ф2007-07Ульян., № 24–29].

Проводы весны завершали пасхально-троицкий цикл развлечений. «Посли проводов висны, тут уж идёт синакос. Синакос, тут все на работы. Никаких игр, больши всё. Касили, работали да паздна, до начи на работи, да упада лица, ищо ни сабирёсси...» [МЕН, с. Чамзинка; СИС Ф2002-10Ульян., № 74].

М.П. Чередникова

ВЕЧЕРЕНЬКА – см. Девичник

ВЕЧОРКИ – см. Свадьба, Сидеть в кельях

ВЕЩИЕ СНЫ

Вещими, сбывающимися (сны сбываются, сходятся; сон совпадает, предсказывает) называют сновидения, так или иначе соотнесенные с будущими реальными событиями жизни сновидца и его окружения. Основой такого соотнесения часто служат традиционные приметы и пове-

рья, устные или письменные «сонники». Рассказываемый сон в этом случае выполняет роль своего рода иллюстрации к устойчивой паремии. «Всё гаварят, как: приснища сон, и он сбудища, этат сон. Мне вот, например, самой сон сбылся: прапахали у нас агарод осинью и прапахали толька адну полысу: “Ба, да штои-та толька адну полысу у нас вспахали? А ыстальнота ни стали пахать-та?” А саседка [во сне] гаварит: “А мне вот ни вспахали! Тибе адну полысу распахали, а мне вот ни вспахали!” А я гаварю: “Ну, чай, успешь — и тибе вспашут. <...> Да это штои-та...” — и у миня умирла мама [в реальности]. Вот саседка-та и гаварит: “Вот, Тонь, тибе сон-та приснился, а мая-то вот патом умрёт...” Вот примета такая, что вот агарод капаишь или вспashiшь, вот ва сне сница — эта к пакойнику» [ГАА, с. Ждамирово; СЕВ Ф2007-1]. «Вот щас у этих... у Волкывых: в общим, атец умир, польгыда ни прашло, скока-та — и мать умирла. И я ни знаю — или Гене, или эта Шурке, каторыму вот приснился этыт сон: вроди атец паставил с улицы у пиреднива угла крёст, грит, агромный, — значит, вроди, нихарашо. Ну, скока-та время прашло — и мать умирла. Вроди уж разгадали, што эта — тирпение. Ну, вот эта видал, — у них эта два сына, дочь, вот ни знаю старший, ни знаю, второй эта сын — видали, каму-то, мыл, рассказывали: “Я сон видал”, — вроди мне кажица Гена [рассказывал]. И, значит, гаварит: “Сон я увидал нихароший, — так и так — чаво-та такои будит у нас такое вот тирпение”. Ну, и вот скока время прашло, — польгыда он ни прёжил, ни пражила она... И она умирла» [ГКМ, с. Сухой Карсун; СЕВ Ф2004-5].

Далеко не всегда прогностический сюжет сновидения основывается на простом принципе: «образ сна (например, выпавший зуб) — сбывающееся событие (смерть родственника)». В реальной коммуникативной практике нередко более важным оказывается общее семантическое сходство ситуации сна и яви, ассоциативная, порой едва уловимая близость того и другого. Например, в следующих примерах соотнесение событий сна и реальности происходит по принципу: «утрата, определенная ущербность (странный) вещи или ситуации во сне — чем-то похожее несчастье наяву». «Вот заловки (ана в Карсуни): умирла тётка у нас — ана в Тальятти, тётка-та, живёт. <...> Ну, гаварит, мы аттоль едим, ат няньки-ти, ана гаварит [во сне]: “Тоня, нá вот тибе книжку, как найдёшь там слова “да”, то, значит, эта — палучишь деньги”, — эта вот ана мне, Тоня, рассказывала этыт сон. Я гаварю [в реальности]: “Тоня, Вася умрёт!” — а муж у ниё хварат. Ана грит [плачущим голосом]: “Да ты што хрёсна! Най, умрёт? Ты што!” — “Пагади вот, раз нянька дала тибе эту, — я гаварю, — умрёт”. Ну, и што — и правильна [муж крестницы умер]. Да! [=вспомнила подробности] Ана гаварит: “Ищу-ищу [во сне], нянька, такова слова нет! Пустá книжка, пустá книжка!”» [ЯТА, с. Кадышево; СИС Ф2004-02Ульян.]. «Вот адин мужик ехыл летам [рассказывает сон]: у ниво, грит, далгатьё [=длинные брёвна] привязына, и он визёт. А я гаварю: “Захватити маю плаху-ту!” Он гаварит: “Давай!” И будта ани навалили, и он паехыл вверых туды на лошиди, — плаха-та. А мы быдта сзади идём за нём, бабы-та. Ани мне,

бабы-та, гаварят: “Каторый твой бривно, таперь и ни узнашь!” А я гаварю: “Нет, мыл, я узнаю: вон, мыл, комиль мой билéцца!” Бривно-та, комиль, как он атрезан, комиль билéцца. “Эта, мыл, мой!” Чириз ниделю [в реальности] у миня мама умирла. Комиль-та у миня ушёл! Вот как. Сбылся, чириз ниделю сон сбылся у миня» [ЖЛЯ, с. Араповка; СЕВ Ф2007-18].

Соотнесение сна и яви в рассказе о вещем сновидении может осуществляться за счет своеобразного сопряжения традиционных примет и конкретных деталей ситуации (во сне и в реальности). В этом случае одно как бы подкрепляет и дублирует другое. «У меня брат глуханимой, и он в Суре завсягда плавил [=ловил] брёвнав многа таких вот, — ну, лес плыл, шпалы плыли... И он [снится ему] паймал брявно и привёз яво вроди бы как дамой и палажил вдоль этава забора-ту. А лисник шёл и заклеймил — звезду нову — на этам бревне-ти. Я тоже, бабушка, я гаварю, какой сон-та, я гаварю, видела: “А дядя Петя ат Вяскинай шёл и заклеймил у нас яво”. — “А, дочка, у нас ведь тёсу-ту нет на гроба-та”. (А я тагда ещё не панимала для чаво этат гроб, для чаво этат тёс). И так и сбылось: ана у нас — мать — и умерла. А Ваня-та, глуханямой, как он нашёл [в реальности] всех людей. Да каких нашёл — самых хароших плотников, и доски-та привёз. Правильна, ани старые были, а их выстрагали, ани стали новы. Вот он и сбылся жи» [ГАМ, с. Новосурск; ЧМП ФА УЛГПУ, ф. 17, оп. 2, 2002].

Нежесткое, ассоциативное сближение событий сна и реальности обуславливает возможность создания окказиональных, личных примет, подтверждённых собственным опытом сновидца. «Все сны — эта загадка, инагда вот сница, ну, вот допустим... Я о сибе хачу сказать, я ни знаю, там как... Приметы вот таки у миня существуют: если я, например, ва сне вижу машину, чтобы ана работыла, то абизатильна какои-та известие палучу — харошие абизатильна известие, там и а приезде каво-та или кто-та куда-та приехал или што-та новае у каво-та панивильсь... А если вот когда сон вижу — за мной бигут жулики, и очинь часто я ни магу убижать, ани бигут, а я никак, ни магу, приследует кто-та, — то эта к какой-та прибыли, што-та должно новае в симье паявыйца. Эта мая примета, лична мая. Или вот карты вижу. Если карты вижу — играют игроки в карты, то абизатильна какои-та бунт, абизатильна — ниприятнысть, эта уже заканамернысть» [ЛАН, с. Сухой Карсун; СЕВ Ф2004-13].

«Совпадение» образа сна и определенного события реальности иногда провоцирует рассказчиков на своего рода саморефлексию, позволяющую понять механизм создания текста о вещем сне. «Ну, и думышиш ведь пастаянна — ага: адин раз савпала, другой раз савпала, а патом думаишь, што эта так и есть» [ЛАН, с. Сухой Карсун; СЕВ Ф2004-13].

Помимо сновидений, требующих дешифровки, толкования, встречаются рассказы, в которых предсказание дается напрямую в верbalной форме (от лица какого-либо персонажа, чаще всего имеющего иномирный статус). «Вот тут у нас мушшина был, он хварал, у него был рак пищавода. И вот

он утром, грит, встал, жане-та и гаварит: «Ну, мать, я скоро умру...» — «Да ты што, Вань?» — «Нынче ка мне пришол старичок [и сказал]: «Вот в этот день в такой-та час [умрешь]». <...> И правильна — умир. Вот этот старичок — или Николай Угодник или сам Гасподь — он яму паведал» [КВН, КАН, с. Шеевщино; СИС Ф2000-13Ульян.].

В отдельных случаях в качестве вещих осознаются сновидения, в которых ситуация реальности отчасти или целиком повторяет увиденное во сне (эффект «дежавю»). «Вот адин раз толька мне приснилась: сын у меня работает в милиции в Ульяновски. Вот приснилась саседние сило Кандаратъ, вот на гаре. И вот он стает, и там в палатки такая драка начилась сильная. И вот к ниму туда падашла, взила иво зá руку и ат этот драки увила — проста дажи дивуюсь, иво ни увидёшь, он такой. А я взила зá руку и увила. Ну, и у них вон эта, и получилась так [в реальности], что на самым дели паехыл к тётки в Но-вой горыд, толька вышли из кафе, и там страшная драка, прям окыла кафе, в кафе. А он в гражданки,ничиво, и сильный такой удар пришёлси па скule, но я, грит, ушёл сразу, я ни стал. А эта ридчайший экзымпляр: если иво уда-рили, штоб он ни атветил» [ПНВ, с. Вальдиватское; СЕВ Ф2005-4]. «Страш-ный сон мне приснился: я удавил свою систру ва сне. <...> Наутра паехали мы на ученье — я задавил салдата [в реальности], шафёрым-та [служил]. Вот сразу мне сбылся сон» [ВНГ, с. Сухой Карсун; СЕВ Ф2004-31].

Большинство вещих снов предсказывают события негативного плана — болезнь, смерть и другие судьбоносные, поворотные для сновидца и его окружения ситуации. Переходность (лиминальность) прогнозируемых ситуаций отчасти объясняет большое значение вещих сновидений для календарной и семейной обрядности.

Например, в рамках похоронно-поминального комплекса актуальны сновидения, основанные на достаточно устойчивой примете: «зовущий, приглашающий с собой покойник — к смерти сновидца». «Вот адна наша радня, ана эдак жи сваей дочири рассказыват: «Ну, уж я, наверна, Римма, умру: за мной [во сне] приходил дядя Дмитрив... Он, значит, гаварит: «Ну, айда, Лиза, са мной, айда-айда! И я с нём пашла». Ну, и точна: ана, наверна, два дня тока пражила, на третий день ана умярла» [ГАС, с. Княжуха; СЕВ Ф2007-18]. «Ну, вот у нас адин учтиль умир, у няво мать приснилась: в лес, грит, миња: «Айда-айда са мной в лес, пайдем са мной в лес!» Я, грит: «Иду-иду!» Чириз год он умир» [АВД, д. Ростиславка; СИС Ф2004-33Ульян.].

Нередко сообщают о сновидениях, спровоцированных гаданиями в определенный календарный праздник (например, на святки, Покров). В этом случае обычно в центре сюжета — встреча с суженым, описание его внешне-го облика и т.п. (см. *Гадания, Святки*). «У нас, примерна, у Клавди начавали [в келье], ана сиротка была. Ну, чё нам, пятнаццать лет была. И вот адна падружка загадала, сон. И ей приснился, ана и ни встричалась с нём — он мёду ей на голову налил. И в мисаед вышла сямнаццатилетняя за нево! Встала и гаварит: «Петъку Петрянина». А он был касой маненька, глаз чаво-та, ну

сапожник, хромавы тапачки шил, туфли, и атец у них был сапожник. И вот ана загадала, сон. Утрам встали, снег, эта, наверна, Пакров: «Пакров, Пакров, пакрой маю галовушку!» И вот ана встала, гаварит: «Чёрт касой мне приснился! Всю голову абдил мне мёдам! Я плакала, чаво я буду таперь с валасами делать?» И в мясаед прасваталась за няво и пражила с нём» [ГПП, с. Б. Кан-дарать; СИС Ф2006-21Ульян., № 54].

Отметим, что описание явления во сне будущего супруга не всегда приурочено к гадательным практикам. Например: «Я лигла. Такая койка (жилезны жи койки были), и я лигла. И вдруг из-под койки — руки чёрны, и вот так выдвигаица рожа. <...> Такая чёрная и все блестищии-блестищии зубы и вот так улыбаица. <...> Эта был [будущий] муж [рассказчица впоследствии вышла замуж за цыгана]! У ниво были залатыи зубы здесь все. Это я патом толька с гадами [поняла], что жи я таки пахожии видила» [ВВН, с. Барышская Слобода; СЕВ Ф2000-29].

«Вещим» в традиционной культуре может быть назван фактически любой сон: для этого достаточно таких нечетких признаков сновидения, как странность (пользуясь термином одной из информанток: «шебутной сон» [АМИ, с. Сухой Карсун; СЕВ Ф2004-5]), реалистичность («как наяву»), наличие известных по приметам образов и т.п. Любопытно в этом отношении, что при отсутствии сбывающегося события сновидение все равно так или иначе соотносится с группой «вещих». «Вот нидавно видила сон, — ну, он ни сбылся» [ХФИ, с. Сухой Карсун; СЕВ Ф2004-30]. Такие клишированные выражения, нередко сопровождающие рассказ о недавно приснившемся сне, как: «К чиму бы эта?»; «Ни знай — к чиму...»; «Ни один сон прости так ни пройдёт...» — также свидетельствуют о том, что любой сон может восприниматься как предсказание.

Распространенность вещих сновидений, нередкое обращение к ним в повседневной коммуникации обусловлены прежде всего социально-культурной и психологической потребностью сделать неопределенное будущее более определенным, устойчивым и предсказуемым. Этой же потребностью, в частности, объясняется существование мантических обрядов (см. *Гадания*).

Любопытно, что рассказчики сообщают о возможности управлять «способностью» сновидений сбываться: определенные действия визионера могут провоцировать или препятствовать исполнению сна. «Бабушка [из пос. Сурское] рассказывала: если сон приснился плахой, нада встать к акну утрам и глядеть вдаль, далико-далико и гаварить: «Куда ночь — туда сон! Куда ночь — туда сон!»» [СОЮ, Ульяновск; СЕВ Ф2010-1]. «В этих случаях, когда плахой сон, я всегда стараюсь, эта народная примета, эта паверье, так што иво нада абизатильна трём-четырём чилавекам рассказать. Я тут жи иво разбалтаю. Што мне приснилась вот чиво, вот штоб он ни сбылся» [ИРП, Ульяновск (Новоспасское); СЕВ Ф2004-1].

Помимо пересказа вещего сна важную роль играет его толкование, нередко исходящее от знающего человека. Такую роль чаще всего берут на себя

пожилые женщины. Иногда встречаются упоминания об обращении с этой же целью к священнику или односельчанам, выполняющим определенные религиозно-обрядовые функции (например, поющим на поминках). «Вот прибегут ка мне, мыл, если кто, я гаварю: “Вот пачиму! Вот пачиму!” [=информантка толкует сны односельчан]» [ХФИ, с. Сухой Карсун; СЕВ Ф2004-30]. «А миня в школи замучили. <...> В школи прихажу: “Ну-ка, Святлана Захарывна, мне вот чё приснилась, вот чё приснилась? Ну-ка чё будет?” — “Вот то-то-то...” — и правда: сбываицца. <...> Как картошка сницца — к слизам, грю: “Нет, это, к прибыли!” Патаму што я за собой наблюдала, точна: нам то зарплату дадут или што уж там дадут. И теперь уж ни знаю, пачиму, вот пастаянна ка мне вот ходят» [ДСЗ, с. Астрадамовка; СЕВ Ф2008-5].

Толкование (как и рассказывание) вещих сновидений может иметь определенную ритуальную приуроченность: например, совершаясь во время поминок (см.). В этом случае в основном актуализируются тексты, так или иначе связанные с покойным (см. *Покойник снится*).

E.B. Сафонов